

УДК 008.2, 101.1:316
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-451-460
EDN RJPIPI

Диверсификация видов суверенитетов в условиях производственной революции

Кравец А.В.

Институт философии Российской академии наук
Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12/1
89031503674@mail.ru

Аннотация. Важную роль в становлении и развитии общества играют различные виды суверенитетов. Несмотря на многочисленные публикации по данной теме, практически отсутствуют исследования, в рамках которых были бы раскрыты причины возникновения новых видов суверенитетов, что связано с отсутствием общего подхода к их классификации и содержанию. Целью данного исследования является выявление наличия причинно-следственной связи между технологическим развитием общества и увеличением видов суверенитетов. В процессе исследования рассмотрены общий суверенитет (родовой по отношению к видовым суверенитетам), история возникновения концепции суверенитета, биосоциальные основания суверенитета, а также проведена классификация видов суверенитетов по различным основаниям. Результаты анализа производственных революций (по Л.Е. Гринину и А.Л. Грининой) в сочетании с проведённой классификацией видов суверенитетов подтверждают гипотезу о том, что с ростом технологического развития увеличивается количество видов суверенитетов.

Ключевые слова: суверенитет, классификация видов суверенитетов, типы производств, производственная революция, цифровое общество

Для цитирования: Кравец А.В. 2025. Диверсификация видов суверенитетов в условиях производственной революции. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 50(2): 451–460. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-451-460 EDN: RJPIPI

Diversification of Sovereignty Types in the Context of the Production Revolution

Alexander V. Kravets

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
12/1 Goncharnaya St, Moscow 109240, Russian Federation
89031503674@mail.ru

Abstract. Various types of sovereignty play an important role in the formation and development of society. Despite numerous publications on different types of sovereignties, there is a lack of research that reveals reasons for their emergence, which stems from the absence of a common approach to their classification and content. The purpose of this study is to analyze the relationship between the emergence of new types of sovereignties and technological development in society. To address this issue, we have examined general sovereignty (a generic one with respect to specific sovereignties), the history of the sovereignty concept, and biosocial foundations of sovereignty. We provide a classification of sovereignty types based on various criteria. The results of analysis into production revolutions (according to Grinin L.E. and Grinina A.L.) combined with the classification of types of sovereignties confirm the hypothesis that as technological development increases, so does the number of sovereignty types.

Keywords: sovereignty, classification of types of sovereignty, types of production, production revolution, digital society

For citation: Kravets A.V. 2025. Diversification of Sovereignty Types in the Context of the Production Revolution. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 451–460 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-451-460 EDN: RJPIPI

Введение

Важность суверенитета как свойства государства подтверждается тем, что трудно найти современное государство, руководитель которого не заявлял бы о своем суверенитете. Как правило, при раскрытии содержания общего (то есть не видового) суверенитета акцент делают на *независимости государства во внешних и внутренних делах*. Однако «независимость» в этом определении не стоит абсолютизировать, поскольку сама идея государства предполагает ограничения как в международных, так и во внутренних отношениях. Более того, идея независимости государства противоречит законам живой природы, где все живое взаимодействует (биотический фактор). При этом следует признать, что в научной литературе нет единого общего подхода к содержанию понятия «суверенитет». Отчасти такой плюралистический подход объясняется многообразием видов суверенитетов (например, территориальный, ресурсный и др.). Попытки найти общий свод видов суверенитетов оказались безуспешными (в пункте 4 рассмотрена классификация видов суверенитетов); при этом видовые суверенитеты унаследовали проблему общего суверенитета – отсутствие единого подхода к содержанию понятия. Необходимо отметить, что несистематизированное множество разнообразных суверенитетов является именно видами, поскольку общий суверенитет является родовым по отношению к ним [Сенин, 2021].

Кроме того, вызывает острую дискуссию вопрос об источнике суверенитета: либо группа лиц, либо один человек. Следовательно, первоначальное утверждение о том, что суверенитет – это свойство именно государства (т. е. группы), уже может быть воспринято некоторыми учёными как спорное (в п. 1 рассмотрен общий суверенитет). При этом проблема субъектности может быть частично снята с позиций системного анализа и принципа целеполагания: «Любая система стремится к определённой предпочтительной для неё состоянию, выступающему в качестве цели системы» [Сурмин, 2003, с. 280]. Поскольку *суверенитет* – это именно *свойство субъекта*, отвечающее его экзистенциальным интересам, то будет оправданно признать субъектом любого, кто достиг соответствующей цели (т. е. суверенитета).

Учитывая историю зарождения концепции суверенитета (в п. 2 рассмотрена история концепта) и биосоциальные аспекты развития человека как условие суверенитета (в п. 3 рассмотрены биосоциальные основания), а также, что субъект как система постоянно находится в развитии, проходит этапы (возникновения, становления, зрелости и нисходящего развития) [Сурмин, 2003], то появляются основания для гипотезы о связи между этапами развития субъекта и приобретением/утратой им различных видов суверенитетов (в п. 5 рассмотрена динамика появления новых видов суверенитета по мере технологического развития субъекта).

Цель данной работы – выявить наличие причинно-следственной связи между технологическим развитием общества и увеличением видов суверенитетов.

1. Определение понятия «общий суверенитет»

В конституциях множества государств закрепляется положение о том, что страна обладает суверенитетом. Это дает основания утверждать значимость данного социального феномена в жизни народов разных стран. Однако существуют разные виды суверенитетов:

территориальный, ресурсный, внешний, экологический и др. Такое многообразие видов суверенитета, по крайней мере, побуждает искать общие черты среди них.

В юридическом словаре, одно из первых определений понятия «суверенитет» даётся как: «верховенство и независимость власти» [Юридический..., 1984, с. 359]. В словаре синонимов слово «суверенитет» раскрывается как «независимость» [Александрова, 2001]. Несмотря на то, что это разные по своей цели словари, в них прослеживается общность подхода к данному понятию, выражающаяся в частичном отождествлении понятий «суверенитет» и «независимость». В этом контексте смысловое содержание понятия «независимость» представляет собой инвариантную характеристику всех видов суверенитета.

В легальном определении суверенитет артикулируется как «верховенство власти государства, ее единство, самостоятельность и независимость во внешних и внутренних делах» [Рекомендательный..., 2023]. В целом «общий» суверенитет представляет признак государства быть политически независимым. Однако, учитывая позиции, рассматривающие в качестве источника суверенитета одного человека [Hegel, 1999], группу лиц (не являющихся народом) [Laski, 1999], народ [Руссо, 1938], наиболее универсальным *определением общего суверенитета* представляется *свойство субъекта (коллективного или индивидуального) быть самостоятельным и независимым во внешних и внутренних делах*.

Еще одним инвариантным свойством суверенитета (как коллективного субъекта) является наличие соответствующего волеизъявления со стороны членов данного общества [Laski, 1999], что подтверждается в ходе анализа исторического генезиса данного феномена.

2. История зарождения концепции суверенитета

В XVI веке религиозные противоречия втянули Европу в Тридцатилетнюю войну, очевидным итогом которой стало истощение ресурсов воюющих сторон. Участникам конфликта пришлось искать иные способы взаимодействия, что и привело к созданию Вестфальской системы международных отношений. Легитимность Вестфальского мира 1648 года основывается на взаимном признании сторонами их прав на самостоятельную внутреннюю политику, территориальную целостность и установление общих международных норм [Сафонов, 2021]. *Необходимость* стала причиной заключения мирного договора. Предложенная в тот период Ж. Боденом концепция суверенитета, удовлетворяющая потребности элит, провозглашала единоначалие абсолютного монарха, ответственного лишь перед Богом [Бочкова, 2010]. Ж. Боден выделял пять признаков суверенной власти: «1. Назначение магистратов и определение их обязанностей и полномочий. 2. Принятие, отмена и обнародование законов. 3. Объявление войны и заключение мира. 4. Высшая судебная инстанция как для магистратов, так и для граждан. 5. Право помилования» [цит. по: Силина, 2021, с. 102.]. Благодаря этой концепции было чётко артикулировано право правителей на *политическую независимость* как во внутренних делах государства, так и на международном уровне. Выработанный правовой подход стал фундаментом современной системы международных отношений. Широкое признание и продолжительное существование данного юридического подхода обусловлены его соответствием интересам большинства относительно концепции суверенитета.

На современном этапе развития системы международных отношений суверенитет ассоциируется с мощью и силой государства, позволяющими ему отстаивать свои национальные интересы, несмотря на действия других субъектов международных отношений [Бочкова, 2010].

3. Нормальное биосоциальное развитие человека как условие суверенитета

Рассматривая суверенитет как атрибут некоторых государств или иных социумов (в зависимости от избранного подхода), следует также признать, что «бытие индивида предшествует государству» [Макаренко, 2012, с. 142]. Как человек зависим от социума, так и социум от него, поскольку не бывает безлюдного сообщества. Рассуждая в духе Ф. Фукуямы («нет демократии без демократов» [Фукуяма, 2015, с. 113]), можно предположить, что главенствующая роль принадлежит личными качествам членов группы. Иначе говоря, в некоторых группах преобладают *люди с определенными качествами, которые обуславливают развитие суверенитета*. Разумеется, на процесс становления суверенитета также оказывают влияние внешние факторы.

Л.Н. Гумилев объяснял успех некоторых этосов (т. е. кровнородственных коллективов [Кравченко, 2019]) пассионарностью, т. е. способностью и стремлением членов сообщества изменять окружение «или, переводя на язык физики, – к нарушению инерции агрегатного состояния среды» [Гумилёв, 2011, с. 312]. Причем импульс пассионарности может быть настолько сильным, что человек может утратить способность критически оценивать свои поступки. Также Лев Николаевич отмечает, что процесс развития сообщества связан не только с захватом и преобразованием территории пребывания, но и с *трансформацией физиологии и этологии (поведения) членов сообществ* [Гумилёв, 2011].

Изменения физиологии и поведения неразрывно связаны с развитием, что наглядно прослеживается в онтогенезе человека, например, в младенчестве человек последовательно проходит стадии психосоциального («пра-мы»), когнитивного и двигательного развития [Болотова, Молчанова, 2012]. Достижение определенного уровня развития (например, акта хватания) существенно влияет на последующее психическое развитие, так как расширяет возможности взаимодействия с окружающим миром и развивает познавательную потребность [Болотова, Молчанова, 2012]. По мере развития ребенок накапливает опыт об окружающем мире, лучше понимает себя и в результате начинает проявлять гипобулические реакции, то есть посредством эмоциональных реакций (плакать, громко кричать и так далее) требует желаемого. Такое проявление своей воли примечательно тем, что в этот момент человек впервые противопоставляет себя окружающему миру. Такие когнитивные способности человека, как дифференциация собственного «Я» от окружающего мира, проявление своей воли и настаивание на ней, являются фундаментальными для формирования суверенитета в сообществе, где преобладают люди с такими качествами.

Идея противопоставления себя как субъекта окружению находит отражение в подходе Б. Андресона [2016], при рассмотрении признаков нации: воображаемое *ограниченное* суверенное сообщество. Ограниченное в значении противопоставления группы всем остальным сообществам.

Качества большинства индивидов определяют свойства коллектива. Если большинство индивидов, например, обладают развитым чувством собственного достоинства, тогда «возможно утверждение о наличии достоинства у человеческих коллективов, в состав которых они входят» [Дробышевский, Протопопова, 2009, с. 120]. Чувство собственного достоинства тесно связано со стремлением человека к свободе, а суверенитет – это свобода субъекта в определённой сфере. Но человек не может обрести эту свободу без предварительного прохождения определённых стадий биосоциального развития. Отсюда следует вывод: *нормальное биосоциальное развитие большинства членов общества является условием для формирования и укрепления его суверенитета*.

4. Классификация видов суверенитетов

Несистематизированное разнообразие видов суверенитетов является значимой проблемой, поскольку любая система (то есть множество видов суверенитетов) может быть осмыслена лишь при сравнении с некой нормативной системой [Сурмин, 2003, с. 280], то есть заданной классификацией. Поэтому представляется необходимым классифицировать суверенитеты по различным основаниям.

М.С. Бочкова [2010] предлагает выделить две главные классификации: концептуальную и методологическую. Концептуальная классификация связана с субъективным восприятием суверенитета, учитывая появление новых общественных и политических отношений. Методологическая классификация основывается на подходах различных научных дисциплин: юридической, философской, социологической и других.

В контексте концептуальной классификации, все многообразие суверенитетов можно классифицировать по следующим основаниям:

1) по *субъекту* суверенитеты подразделяется на народный, национальный, региональный, божественный и др. виды. Классификация по указанному основанию не является бесспорной, поскольку отсутствует единый подход к определению источника суверенитета. Можно встретить позиции как в пользу группы лиц (например, народа у Ж.-Ж. Руссо [1938]), или в пользу публично-правового образования (например, государства у Г. Гроция [Grocio, 1994]), так и в пользу одного человека (например, монарха у Гегеля [Hegel, 1999]). Также, по Г. Ласки, суверенитетом могут обладать не только государства, но и иные объединения граждан, например: профсоюз, церковь и прочие [Laski, 1999].

2) по *объекту* суверенитеты подразделяется на цифровой, ресурсный, экономический и другие. Под объектом понимается определенная сфера, в которой субъект суверенитета стремится обладать наибольшей степенью свободы. Конкуренция вынуждает субъектов суверенитета, по мере развития науки и техники, расширять свою свободу за счёт освоения новых сфер. Примером осознания субъектом своего отставания от конкурента может служить постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении руководства внедрением вычислительной техники и автоматизированных систем управления в народное хозяйство» от 21 мая 1963 года [Кутейников, 2011]. Постановление было принято после активной работы ряда советских ученых, среди которых был А.И. Китов, предложивший идею «преодолеть отставание по компьютерам от США, не догоняя их – то есть обогнать, не догоняя» [Исаев, 2020, с. 117];

3) по *зоне распространения* суверенитеты подразделяется на внутренний и внешний. Государства как основные участники международных отношений вынуждены взаимодействовать в условиях анархии, т. е. в отсутствие высшего арбитра или надгосударственного органа управления, тогда как внутри государства система управления является строго иерархичной [Mearsheimer, 2007]. Международные отношения не характеризуются хаосом, поскольку анархия в данном контексте представляет собой способ упорядочивания. Г. Моргентау определяет международное право как «право между скоординированными, а не подчинёнными сторонами» [Morgenthau, 1948, p. 246];

4) по *функциональности* подразделяется на основной (первичный) и вспомогательный (производный). Основной суверенитет (например, ментально-физический, территориальный, ресурсный, интеллектуальный, промышленный и цифровой суверенитет и др.) играет ключевую роль в функционировании общества, так как его утрата приводит к стремительному ослаблению социальных связей или регрессу общественного устройства. Вспомогательный суверенитет произведен от одного или нескольких основных (например, основанием для образовательного (вспомогательного) суверенитета в значительной степени является интеллектуальный и ментально-физический суверенитеты);

5) по *возможностям* суверенитет подразделяется на действительный и формальный. Д. Миршаймер отмечает: «...Любая страна, которая улучшает своё положение в мировом балансе сил, делает это за счёт других государств, теряющих относительную власть» [Mearsheimer, 2007]. Государства с действительным суверенитетом нередко сковывают государства с формальным суверенитетом неокOLONIALными отношениями. В качестве критериев государства с действительным суверенитетом можно использовать метод Р. Далио по оценке детерминантов сильного и процветающего государства (например, образование, военная мощь, доля в мировой торговле и др. [Далио, 2022, с. 444]).

Приведенная классификация видов суверенитетов не является исчерпывающей, что оставляет широкое поле для дальнейших исследований. Вместе с тем классификация суверенитетов по объекту позволяет сделать предложение о связи между возрастающим разнообразием суверенитетов у общества и его техническим развитием, что проиллюстрировано посредством спирали развития технологии и суверенитета (рис. 1).

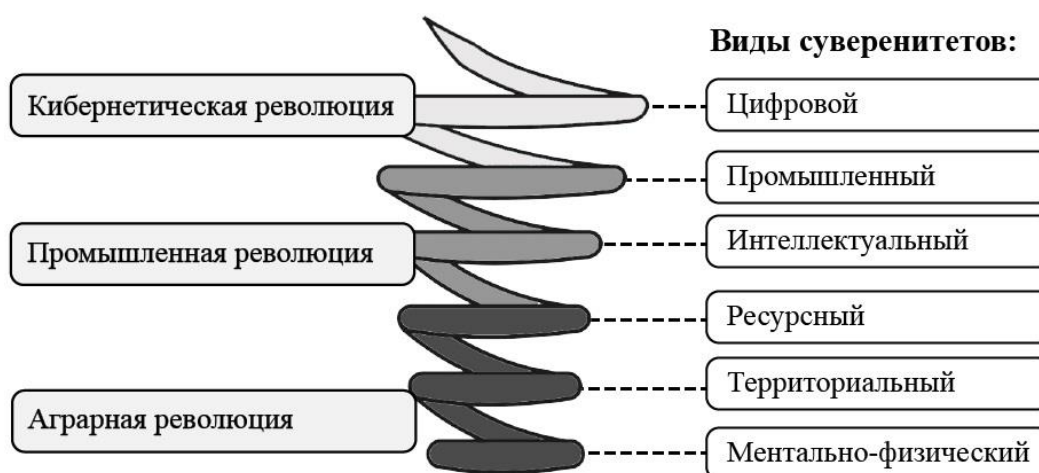

Рис. 1. Спираль развития технологии и суверенитета
Fig. 1. Spiral of development of technology and sovereignty

5. Модель спирали развития технологии и суверенитета

Расчленение всего разнообразия суверенитетов по объектному основанию позволит выявить иерархическую связь между разными видами суверенитетов, например, без территориального суверенитета сложно представить наличие у общества продовольственного суверенитета. Следует заметить, что в некоторых случаях отсутствие у общества одного вида суверенитета (например, дефицит земли при экстенсивном земледелии) на более поздних этапах развития может компенсироваться другим видом суверенитета (например, индустриализацией), что достигалось упорным коллективным трудом и импортом более прогрессивных технологий, идей, культуры.

Расширение разнообразия видов суверенитетов обусловлено научно-техническим прогрессом, открывающим перед обществом новые возможности и потребности. *Удовлетворение новых потребностей (т. е. достижение суверенитета в соответствующих областях) становится условием существования.*

История развития человечества может быть разделена на технологические эпохи, каждая из которых характеризуется определенным *типом производства*: «1. Охотничье-собирательская. 2. Аграрно-ремесленная. 3. Промышленно-торговая. 4. Научно-кибернетическая» [Гринин, Гринин, 2015, с. 17]. Это позволяет выделить следующие *производственные революции*: аграрная (12–10 тыс. – 5,5–3 тыс. л. н.), промышленная (последняя треть XV в. – первая треть XIX в.), Кибернетическая (1950–2060/2070-е гг.)

[Гринин, Гринин, 2015, с. 19]. Каждому этапу производственной эволюции соответствуют определённые виды суверенитетов. Например, для аграрной революции был актуален территориальный суверенитет, в то время как концепция промышленного суверенитета оставалась вне досягаемости. В свою очередь, цифровой суверенитет стал доступен лишь с кибернетической революцией. Смена производственной парадигмы может решительным образом изменить потенциал сообщества, как, например, Тайвань переформатировался из малоизвестного широким массам государства в мирового производителя полупроводников, фактически влияющего на цифровой суверенитет других стран.

Эволюция типов производства открывает новые возможности и области развития для человечества, что неизбежно порождает экзистенциальную потребность у каждой группы овладеть «свободой» в новой области. Каждая последующая производственная эпоха развивается благодаря достижениям предшествующих этапов, поэтому даже на этапе кибернетической революции обществу будут необходимы основные суверенитеты (возможно, в меньшей степени), заложенные во время предшествующих революций. При этом «новые» суверенитеты в пределах своей технологической эпохи также трансформируют содержание ранее утвержденных суверенитетов, например, при достижении обществом цифрового суверенитета (стадия кибернетической революции) возникает феномен цифровой рациональности [Буданов, 2021]. В этом случае традиционный образ мышления сменяется посткритической рациональностью, то есть трансформируются содержания ментально-физического и интеллектуального суверенитетов.

Для лучшего понимания модели спирали развития технологии и суверенитета (см. рис. 1), требуется раскрыть содержание основных суверенитетов. *Ментально-физический* суверенитет определяется как способность сообщества обеспечить своих членов благоприятными условиями для нормального биосоциального развития. *Территориальный* суверенитет обозначает пространственные границы беспрепятственного обитания данного сообщества. *Ресурсный* суверенитет представляет собой свободный доступ к разнообразным природным ресурсам, необходимым для устойчивого функционирования и прогресса сообщества. *Интеллектуальный* суверенитет связан с этапом становления научного знания как принципиально новой области профессиональной деятельности для человека, где научные знания воспринимаются как инструмент преобразования типов производств. *Промышленный* суверенитет отражает степень технологического прогресса общества, характеризующуюся эффективностью различных отраслей промышленности вследствие процессов индустриализации. *Цифровой* суверенитет описывает зависимость общества от интеллектуальных систем, определяющих эффективность производственных процессов. Приведенный перечень основных суверенитетов не претендует на полноту охвата всех возможных вариантов суверенитетов.

Весьма вероятно, что дальнейшее развитие типов производства приведет к новым промышленным революциям, открытиям для человечества новых горизонтов в когнитивной, виртуальной, физической и иных сферах. *Доступ к новой сфере необходимо вызовет конкурентную борьбу социумов за новый вид суверенитета* (например, трансгуманистический). При этом каждый новый вид суверенитета несет для общества и риски, например, цифровые технологии могут разрушить привычную иерархическую структуру между гражданами внутри государства, заменив её сетевой структурой, в которой значение гражданства (подданства) может быть снижено [Хабриева, 2022], однако при этом будут существенно расширены правовые возможности каждого участника данной сети. Расширенный объем прав и свобод индивида создаст благоприятные условия для развития *концепции индивидуального суверенитета*, что существенно изменит структуру спирали развития технологии и суверенитета на следующем этапе производственной революции (см. рис. 1).

Заклучение

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Суверенитет может быть как общим, так и видовым.
2. Вопрос об источнике суверенитета дискуссионен, поэтому под общим суверенитетом в настоящей работе понимается свойство субъекта (коллективного или индивидуального) быть самостоятельным и независимым во внешних и внутренних делах.
3. Общий суверенитет является родовым по отношению ко всему множеству видовых суверенитетов.
4. Соответствие концепции суверенитета интересам большинства членов общества обусловило её широкое признание и продолжительное существование, согласно истории зарождения этой концепции.
5. Нормальное биосоциальное развитие большинства членов общества выступает условием для формирования и укрепления суверенитета в этом обществе.
6. Проблема несистематизированного множества видов суверенитетов может быть решена путём классификации их по следующим основаниям: по субъекту (народ, человек и другие), по объекту (цифровой, промышленный и другие), по зоне распространения (внутренний и внешний), по функциональности (основной, дополнительный), по возможностям (действительный, формальный).
7. Модель спирали развития технологии и суверенитета позволяет сделать вывод, что на этапе аграрной революции общество стремится к ментально-физическому, территориальному и ресурсному суверенитетам; на этапе индустриальной революции дополнительно возникает потребность в интеллектуальном и индустриальном суверенитетах; на этапе кибернетической революции дополнительно проявляется потребность в цифровом суверенитете.
8. Развитие технологий формирует возможности и потребности в новой сфере, что необходимо порождает конкурентную борьбу между субъектами за суверенитет в новой области.

Список источников

- Александрова З.Е. 2001. Словарь синонимов русского языка : Практический справочник: ок. 11 000 синоним. рядов. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 568 с.
- Болотова А.К., Молчанова О.Н. 2012. Психология развития и возрастная психология: учеб. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 526 с.
- Исаев В.П. 2020. Вспоминая Анатолия Ивановича Китова – назад в будущее. Анатолий Иванович Китов. Под ред. В.В. Шилова и В.А. Китова. М.: МАКС Пресс, с. 109-123.
- Рекомендательный глоссарий терминов и определений государств - членов ОДКБ в сфере обеспечения национальной и международной безопасности. Принят 19.12.2023 Постановлением 16-6.3 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности.
- Сурмин Ю.П. 2003 Теория систем и системный анализ: учеб. пособие. Киев.: МАУП. 368 с.
- Юридический энциклопедический словарь. 1984. Гл. ред. А. Я. Сухарев; Ред. кол. М.М. Богуславский, М.И. Козырь, Г.М. Миньковский и др. М.: Сов. Энциклопедия: 415 с.

Список литературы

- Андерсон Б. 2016. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле, 416 с.
- Бочкова М.С. 2010. Классификация суверенитета и ее роль в политическом строительстве (зарубежная теория и практика). *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, 1: 15-21.
- Буданов В.Г. 2024. О типологии деятельностной рациональности в цифровую эпоху. *Вопросы философии*, 12: 41-51.
- Гегель Г.В.Ф. 1990. Философия права. Пер. с нем. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 524 с.
- Гринин Л.Е., Гринин А.Л. 2015. Кибернетическая революция и исторический процесс (технологии будущего в свете теории производственных революций). *Философия и общество*, 1-2(76): 17-47.

- Гроций Г. 1994. О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. М.: Ладомир, 868 с.
- Гумилёв Л.Н. 2001. Этногенез и биосфера Земли. Санкт-Петербург.: Кристалл, 638 с.
- Далио Р. 2022. Принципы изменения мирового порядка. Почему одни нации побеждают, а другие терпят поражение. Пер. с англ. Д. Миронова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 528 с.
- Дробышевский С.А., Протопопова Т.В. 2009. Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве. Красноярск, ИПК СФУ, 160 с.
- Кравченко А.И. 2019. Биосоциальная концепция пассионарности Л. Гумилева. *Социология*, 6: 12-43.
- Кутейников А.В. 2011. Первые проекты автоматизации управления советской плановой экономикой в конце 1950-х и начале 1960-х гг. — «электронный социализм». *Экономическая история. Обзорение: журнал*, 15: 124-138.
- Макаренко В.П. 2012. Общественный договор и проблема молчаливого согласия. *Полис. Политические исследования*, 2: 141-151.
- Руссо Ж.-Ж. 1938. Об общественном договоре или Принципы политического права. М.: Соцэкгиз, 124 с.
- Сафонов В.Е. 2021. Вестфальский трактат 1648 года и его влияние на формирование принципов международного права. *Гражданин. Выборы. Власть*, 2: 112.
- Сенин И.Н. 2021. К вопросу о соотношении категорий "вид" и "форма" в теории государства и права. *Право и государство: теория и практика*, 8(200): 38-40.
- Силина Е.В. 2021. Теория суверенитета Жана Бодена как политикофилософское обоснование концепции национальных государств. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*, 3(46): 100-106.
- Фукуяма Ф. 2015. Конец истории и последний человек. Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 259 с.
- Хабриева Т.Я. 2022. Технологические революции и их проекция в праве. *Вопросы истории*, 1(1): 256-271.
- Laski H.J. 1999. Studies in the problem of sovereignty. Kitchener.: Batoche Books: 171.
- Mearsheimer J.J. 2007 Structural realism. *International relations theories: Discipline and diversity*, 83: 77-94.
- Morgenthau H.J. 1948. Politics among Nations. The struggle for Power and Peace. New York.: Alfred A. Knopf, 514 p.

References

- Anderson B. 2016. Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneniі nacionalizma [Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. М.: Kuchkovo pole, 416 s.
- Bochkova M.S. 2010. Klassifikacija suvereniteta i ee rol' v politicheskom stroitel'stve (zarubezhnaja teorija i praktika) [Classification of sovereignty and its role in political construction (foreign theory and practice)]. *Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*, 1: 15-21.
- Budanov V.G. 2024. O tipologii dejatel'nostnoj racional'nosti v cifrovuju jepohu [On the typology of activity rationality in the digital age]. *Voprosy filosofii*, 12: 41-51.
- Gegel' G.V.F. 1990. Filosofija prava [Philosophy of Law]. М.: Mysl', 524 s.
- Grinin L.E., Grinin A.L. 2015. Kiberneticheskaja revoljucija i istoricheskij process (tehnologii budushhego v svete teorii proizvodstvennyh revoljucij) [Cybernetic Revolution and Historical Process (Technologies of the Future in Light of the Theory of Production Revolutions)]. *Filosofija i obshhestvo*, 1-2(76): 17-47.
- Grocij G. 1994. O prave vojny i mira: Reprint s izd. 1956 g. [On the Law of War and Peace: Reprint from the 1956 ed.] М.: Lodomir, 868 p.
- Gumil'ov L.N. 2001. Jethnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]. Sankt-Peterburg.: Kristall, 638 s.
- Dalio R. 2022. Principy izmenenija mirovogo porjadka. Pochemu odni nacii pobezhdayut, a drugie terpjat porazhenie [Principles of Change in World Order. Why Some Nations Win and Others Fail.]. М.: Mann, Ivanov i Ferber, 528 p.
- Drobyshevskij S.A., Protopopova T.V. 2009. Ideja chelovecheskogo dostoinstva v politiko-juridicheskikh doktrinah i prave: monografija [The Idea of Human Dignity in Political and Legal Doctrines and Law: Monograph]. Krasnojarsk.: IPK SFU, 160 p.
- Kravchenko A.I. 2019. Biosocial'naja koncepcija passionarnosti L. Gumileva [L. Gumilyov's biosocial concept of passionarity]. *Sociologija*, 6: 12-43.

- Kutejnikov A.V. 2011. Pervye proekty avtomatizacii upravlenija sovetsoj planovoj jekonomikoj v konce 1950-h i nachale 1960-h gg. — «jelektronnyj socializm» [The first projects to automate the management of the Soviet planned economy in the late 1950s and early 1960s - "electronic socialism"]. *Jekonomicheskaja istorija. Obozrenie: zhurnal*, 15: 124-138.
- Makarenko V.P. 2012. Obshhestvennyj dogovor i problema molchalivogo soglasija [Social contract and the problem of tacit consent]. *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2: 141-151.
- Russo Zh.-Zh. 1938. Ob obshhestvennom dogovore ili Principy politicheskogo prava [On the social contract or Principles of political law]. M.: Socjkgiz, 124 p.
- Safonov V.E. 2021. Vestfal'skij traktat 1648 goda i ego vlijanie na formirovanie principov mezhdunarodnogo prava [The Westphalian Treaty of 1648 and its influence on the formation of the principles of international]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*, 2: 112.
- Senin I.N. 2021. K voprosu o sootnoshenii kategorij "vid" i "forma" v teorii gosudarstva i prava [On the relationship between the categories of "type" and "form" in the theory of state and law]. *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika*, 8(200): 38-40.
- Silina E.V. 2021. Teorija suvereniteta Zhana Bodena kak politikofilosofskoe obosnovanie koncepcii nacional'nyh gosudarstv [Jean Bodin's Theory of Sovereignty as a Political-Philosophical Justification of the Concept of National States.]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo*, 3(46): 100-106.
- Fukujama F. 2015. Konec istorii i poslednij chelovek [The End of History and the Last Man]. M.: AST, 259 p.
- Habrieva T.Ja. 2022. Tehnologicheskie revoljucii i ih proekcija v prave [Technological Revolutions and Their Projection in Law]. *Voprosy istorii*, 1(1): 256-271.
- Laski H.J. 1999. Studies in the problem of sovereignty. Kitchener.: Batoche Books: 171.
- Mearsheimer J.J. 2007 Structural realism. *International relations theories: Discipline and diversity*, 83: 77-94.
- Morgenthau H.J. 1948. Politics among Nations. The struggle for Power and Peace. New York.: Alfred A. Knopf, 514 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.12.2024

Поступила после рецензирования 20.03.2025

Принята к публикации 30.05.2025

Received December 20, 2024

Revised March 20, 2025

Accepted May 30, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравец Александр Васильевич, аспирант, сектор междисциплинарных проблем научно-технического развития, Институт философии Российской академии наук, г. Москва, Россия.

 [ORCID: 0009-0002-5250-6591](https://orcid.org/0009-0002-5250-6591)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Kravets, Postgraduate Student, Sector of Interdisciplinary Problems of Scientific and Technological Development, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

 [ORCID: 0009-0002-5250-6591](https://orcid.org/0009-0002-5250-6591)